Имена из легенды

И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕНОВЦЕВ

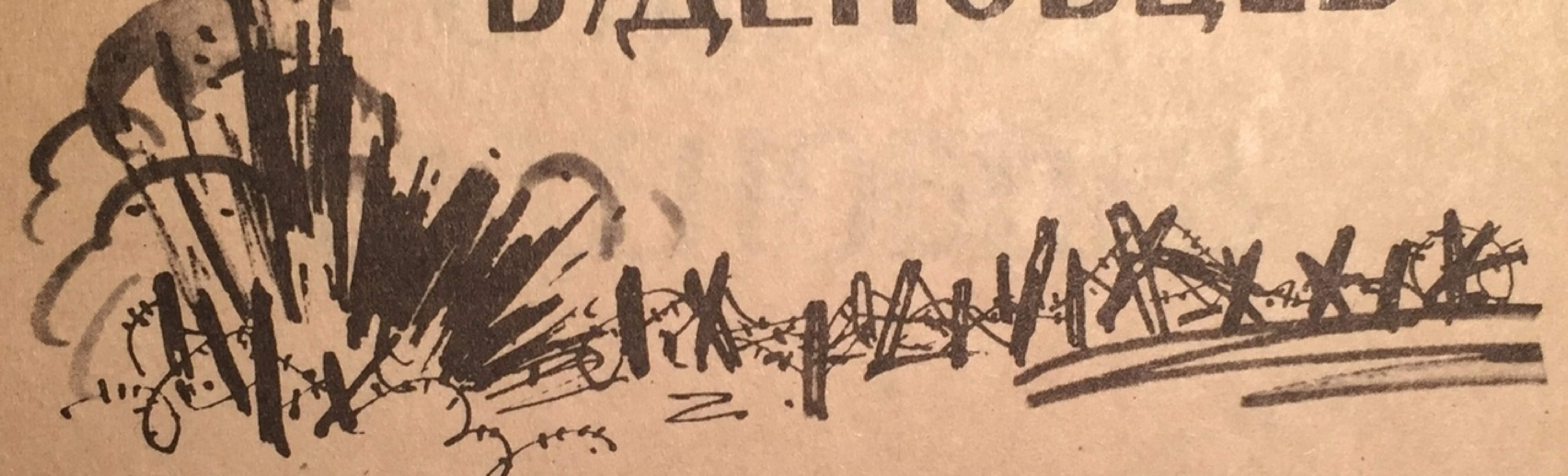
А. ВЛАДИМИРОВ

КАВАЛЕР ПЕРВОГО ОРДЕНА

Имена из легенды

И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕНОВЦЕВ

А. ВЛАДИМИРОВ

КАВАЛЕР ПЕРВОГО ОРДЕНА

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1983

Художник В. Г. Шевченко

В 84 **И. Всеволожский.** Восемь смелых будёновцев.— **А. Владимиров.** Кавалер первого ордена.— Петрозаводск: Карелия, 1983.— 48 с., ил.

Рассказы И. Всеволожского посвящены герою гражданской войны С. М. Будённому. Героем рассказов А. Владимирова является прославленный начдив В. К. Блюхер — кавалер первого ордена Красного Знамени.

84 Р7

В $\frac{4803010102—002}{М127(03)—83}$ 75—83

И. ВСЕВОЛОЖСКИЙ

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕНОВЦЕВ

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЁНОВЦЕВ

В февральское бесснежное утро белогвардейцы выбили из родной станицы Будённого — Платовской партизанский отряд и разогнали станичный Совет. Арестовали триста станичников, а среди них и отца Семёна Будённого — Михаила Ивановича.

К ночи были усилены заставы и постам было приказано глядеть в оба. Белогвардейцы опасались, что Семён может появиться внезапно, с большим отрядом, и нагрянуть на станицу. И теперь белогвардейцы, утомлённые атакой и грабежом, отдыхали. Пушки и пулемёты сторожили их сон.

...Будённый, обойдя знакомой ему с детства тропой сторожевые заставы белых, пробрался к покосившейся мазанке на краю станицы. Ставни были закрыты. Идут... Патруль? Семён прижался к холодной стене.

Голоса затихли вдали. Будённый слегка стукнул в ставню. Никто не отпирал.

Будённый подождал, прислушался и стукнул ещё раз, чуть громче.

Чу! Кто-то зашевелился в хате, вышел в сени.

Скрипнул засов.

Будённый стремительно пододвинулся к двери. Дверь отворилась неслышно, и он скорее почувствовал, чем увидел бесконечно родное и любимое лицо матери.

Она всматривалась в темноту.

— Мамо! — шепнул Будённый.

— Семене!

— Тихо, мамо, тихо!

— Сёма! Родной мой! Откуда ты? Отца увели, забрали. Ходила до начальника, начальник накричал, сказал — расстреляют...

Семён прижался щекой к мокрому от слёз лицу матери, почувствовал морщины, рано избороздившие её щёки...

— Ты голодный, наверное, сынку? — спросила мать.

— Нет, я не голодный, мамо.

— Ты с войском?
— Нет, я один.
— Один? — в ужасе воскликнула Меланья Никитична.
— Тихо, мамо, тихо!
— Уходи, Сёма, уходи! Беляки допытывались, где ты. Ищут тебя. Уходи.
— Сколько белых в станице, мамо?
— Гутарили люди — четыре сотни. Уходи, сынку, пока не поздно! Честью прошу, уйди.
— Сейчас уйду, мамо. А сколько орудий?
— Одно, у станичного правления. Сёма, приказываю тебе як мать: уходи!
— Да ухожу, мамо. А пулемётов не видела?
— Два, сынок.
— На площади, что ли?
— На площади. Да уйдёшь ли ты, непослушное дитё?

— Прощай, мамо. Жди в гости!

И, крепко расцеловав мать в губы, в лоб, в щёки, Будённый вскочил на коня и исчез во тьме.

Мать долго стояла, прислушиваясь к ночным шорохам. С трепетом ждала она, не раздастся ли выстрел.

Её сын один, без отряда, в станице, заполненной лютыми врагами! Её Сёма, которого она вырастила, не раз драла хворостиной за проказы и так горячо любила, подвергается страшным опасностям, его могут убить...

Сердце ее наполнилось страхом.

Она услышала голоса. Возвращался патруль. Стараясь не скрипеть засовом, Меланья Никитична тихо заперла дверь и долго стояла в темноте сеней, за дверью, прижимая руку к груди и чувствуя, как бьётся сердце.

Действовать нужно немедленно — понял Будённый. Арестованных заложников расстреляют на рассвете.

Будённый пришпорил коня и поскакал на хутор Козюрин. Семён знал, что на хутор ушёл с отрядом партизан Фёдоров, выбитый белыми из станицы; на хутор бежали уцелевшие от расправы станичники...

Среди них — товарищи его детства, участники детских игр, лихих налётов, походов и схваток.

Конь стрелой пролетел сквозь кустарник, и Будённый услышал собачий лай и крик петуха.

Значит, за полночь.

— Где Фёдоров? — крикнул Будённый возникшему в темноте часовому, спешился и побежал к дому; в нём светились окна.

Фёдоров спал, накрыв голову полушубком.

— Вставай! — сдёрнул полушубок Будённый.

— Ты откуда? — удивился, открыв глаза, Фёдоров.

— Из Платовской.

— Беляки без боя ушли?

— Какое! Их там полным-полно. Четыре сотни. С орудием, с пулемётами. Давай людей!

— Каких тебе людей?

— Пятьдесят конных.

— Не дам.

— Ну, тридцать.

— И тридцати не дам. Я ухожу на соединение с мартыновско-орловским отрядом.

— Уходишь? Так ведь на рассвете кончат заложников!

Фёдоров покачал головой.

Будённый понял, что Фёдоров людей не даст.

Будённый не боялся смерти, привык смотреть ей в глаза. Он

считал, что можно пожертвовать собственной жизнью для спасения родных и близких, если понадобится.

Фёдоров же был осторожен, не любил риска, шёл на соединение с мартыновцами, чтобы превосходить противника и ударить наверняка.

— Так не дашь людей? — спросил ещё раз Будённый.

— Не дам.

Это было ударом.

Будённый был убеждён, что десять смелых людей могут сделать больше, чем другие сто. Но выбить из станицы четыреста вооружённых людей, даже обладая безудержной храбростью, одному невозможно.

Запели вторые петухи. До рассвета оставалось часа три, не больше. Тогда всё будет кончено...

Будённый сидел неподвижно, глядя на пламя свечи. Вдруг ему пришло в голову: если десять смелых людей могут наделать больше дел, чем другие сто, надо найти этих десять смелых людей!

Будённый встал:

— Баранников в Козюрине?

— В соседней хате ночует. В голову шашкой ранили,— ответил Фёдоров.

— Филипп? Андрей? Афанасий?

— Они все вместе, платовские.

План всё больше казался осуществимым. У каждого из одностаничников либо отец, либо брат, либо родственник забран белыми и будет расстрелян на рассвете. Каждый из них так же горячо, как и сам Будённый, ненавидит беляков.

— Прощай,— поднялся Семён.

— Куда ты?

— На Платовскую.

— Один?

— Со своими, с платовскими.

— Да ты с ума сошёл! Их всего семь человек!

— Из прапорщиков ты образованный,— задержался на пороге Будённый,— а арифметике тебя не научили. Раз мы — за революцию, умножай нас во сто раз!

И он пошёл двором в соседнюю хату.

В небе чуть стало светлеть, когда отряд в восемь всадников остановился на старом, заброшенном кладбище, среди истлевших крестов.

Перед Будённым стояли семь смелых товарищей, которых он знал с детских лет.

Бойцы ждали от командира приказа.

— Вот что, хлопцы,— сказал им Будённый.— Нас восемь человек. Если идти в открытую — мы и сами погибнем, и родных и близких не выручим. Но мы сильны тем, что знаем все тропы и тропки. Мы сумеем обойти охранение. Мы с Филиппом попытаемся убрать конвой и завладеть пулемётами. А вы не зевайте. Делитесь на эскадроны... на шесть эскадронов.

— Как это — на шесть эскадронов? — спросил Андрей.

— А вот как. Ты, Андрей, будешь первым эскадроном. Скачи и кричи что есть силы: «Первый эскадрон, за мной в атаку марш!» Понял?

— Понял.

— Ты, Фёдор, будешь вторым эскадроном. Стреляй из винтовки и ори во всю глотку: «Второй эскадрон, сыны революции, в атаку!» Понятно?

— Понятно.

— Ты, Афанасий, будешь третьим эскадроном, ты, Кузьма, четвёртым, ты — пятым, ты — шестым. А как вооружим арестованных — ударим по белякам! Смелость, хлопцы, она города берёт. По коням!

Оврагом конники обошли заставы белых и очутились в станице.

Будённый и Филипп спешились и, оставив коней, согнувшись, пробрались к станичному правлению, скрывавшемуся во тьме.

Ветер раскачивал фонарь, как маятник, и тусклый луч света бегал по мёрзлой земле.

Кругом была тишина, какая бывает в последние минуты перед рассветом.

Будённый и Филипп притаились. В окнах правления промелькнул свет. Чу! На крыльце появились чёрные тени. Друзья услышали приглушённый говор.

Белогвардейцы выводили первую партию осуждённых.

Станичники поёживались от холода и, казалось, не понимали, куда их ведут. Они шли покорно. Мысль о нападении на вооружённый конвой не приходила им в голову.

И тут в темноте Будённый скомандовал:

— Вперёд, бойцы, в атаку! Сдавайтесь, гады, вы окружены!

Фонарь потух, пробитый пулей. Упал как подкошенный начальник конвоя.

— Разоружай конвой, станичники! Бери винтовки, кричи «ура!» — командовал Семён Михайлович.

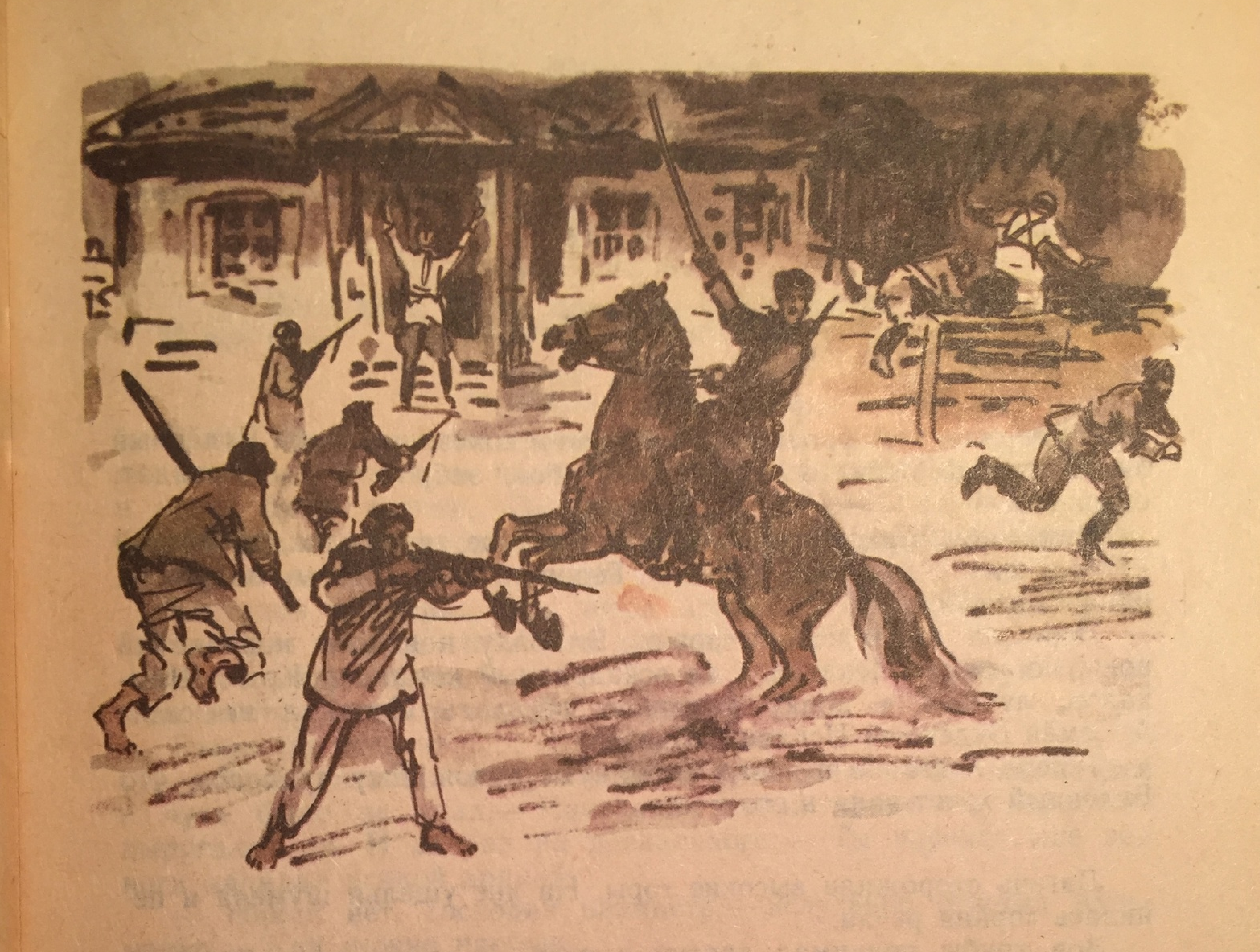
И сразу всё закричало, зашумело, кругом застреляли. Послышался грозный топот копыт.

Со всех сторон посыпались команды:

— Первый эскадрон, в атаку марш!

— Второй эскадрон, сыны революции, в атаку на белых гадов! Ура!

— Шестой эскадрон! Ура-а-а!

— Урра! — неистово кричали станичники, ещё не поняв как следует, в чём дело, но поняв одно: пришло спасение, пришла жизнь!

Они кидались на конвойных и отбирали винтовки.

Двери, ставни и окна правления подались под напором хлынувших оттуда станичников.

Кто-то радостно крикнул, узнав Семёна:

— Будённый!

И этот крик был подхвачен и понёсся по всей станице.

— Будённый! — орали прыгавшие в одних подштанниках из окон и убегавшие через сады, точно полоумные, офицеры.

— Будённый! — кричали солдаты, кидая оружие. Им слышался топот тысяч копыт, рёв тысяч голосов, кричавших «ура».

Успевший сбежать хорунжий Герасимов докладывал белогвардейскому генералу Гнилорыбову:

— Этот Будённый прекрасно вооружён. У него целых шесть эскадронов. Мы понесли потери убитыми, ранеными и пленными. Всё наше оружие досталось Будённому.

А к Семёну шли партизаны. Просили принять их в отряд. Так зарождалась Первая Конная армия.

КОНЬ ИСПАНЕЦ

Это было ещё в царской армии.

На германском фронте под местечком Бжезины Семён Будённый лихой атакой отбил у противника обоз, забрал в плен солдат, офицеров.

Начальник Будённого вахмистр Хестанов перед каждой атакой «заболевал» — он был трусом. Георгиевские кресты получили, однако, оба.

Перешли на турецкий фронт. В полку появился норовистый конь, по кличке Испанец. Сам эскадронный командир Крым-Шамхалов, лучший в полку наездник, обуздать Испанца не смог. А Семён Будённый Испанца объездил.

Теперь Хестанов не знал ни минуты покоя. Ему чудилось, что Будённый хочет занять его место...

Лагерь сторожили высокие горы. На дне ущелья шумела и пенилась горная речка.

Зов трубы поднимал драгун с коек. В горах эхо повторяло сигнал. Драгуны бежали к речке, умывались ледяной водой и шли на занятия.

Иногда вместо стрельб и ружейных приёмов вахмистр обучал драгун пению.

— От песни,— говорил Хестанов,— за версту лихостью должно нести. Уразумели?

— Так точно,— отвечали драгуны.

— От русской песни турок штаны должон потерять. Уразумели?

— Так точно, уразумели, господин вахмистр!

— Запевай! Фронтовую!

Запевала начинал:

Из-под кочек, из-под пней
Лезет враг оравой.
Гей, драгуны, на коней
И айда за славой!

— Всем петь! Ну! — командовал вахмистр, и все драгуны подхватывали:

Гей, драгуны, на коней
И айда за славой!

И снова затягивал запевала:

На врагов, чертям назло,
Налетим мы бурей,
Это наше ремесло —
Целоваться с пулей.

— Всем петь. Ну! — приказывал вахмистр.

И все пели:

Это наше ремесло —
Целоваться с пулей.

В это утро Хестанов проснулся в плохом настроении. Накануне он выпил лишнего, и надо было опохмелиться. Денег не было и негде было достать. Он приказал Будённому доучить с драгунами фронтовую песню, а сам напился чаю и пошёл на коновязь.

Дневалил по коновязи тихий солдат Кузьменко.

Хестанов вспомнил, что вчера просил у Кузьменко денег на табак и тот сказал, что у него денег нет.

Кони мирно жевали овёс. Только Испанец, повернув голову к вахмистру, сердито на него покосился.

Вахмистр отскочил:

— Чего глазищи вылупил, чёрт испанский? — Он споткнулся и чуть было не упал.— Накидали всякой дряни на дороге! — выругался он. И заорал на дневального: — Ты нарочно мне под ноги накидал всякой дряни?

— Никак нет, господин вахмистр,— испуганно ответил Кузьменко.— Как можно нарочно...

— Ах, не нарочно? Не нарочно? Не нарочно? — Усики вахмистра поднялись как стрелки.— Я тебе покажу!

И, размахнувшись, Хестанов ударил Кузьменко.

Тот закрыл руками лицо и заплакал.

Это ещё больше распылило Хестанова, и он ударил дневального со всей силы.

Вдруг Испанец заржал. С опаской от него отшатнувшись, Хестанов ушёл с коновязи.

Драгуны лихо чеканили:

Ты судьбине не перечь,
Не кручинься слёзно,
Всем придётся в землю лечь
Рано или поздно...

Кузьменко вбежал в палатку и упал на койку ничком. Все услышали, как он плачет.

Будённый оборвал песню, подошёл к драгуну, тронул за плечо:
— Кто тебя, Кузьменко? Говори, не бойся.
— Жить не даёт, денег просит. А у меня денег нет, где я возьму? — бормотал солдат.
— Так тебя, значит, вахмистр? — спросил Будённый.
— Конь Испанец его покалечил,— услышал Будённый скрипучий голос и увидел неслышно подошедшего вахмистра.— Кузьменко — неосторожный солдат. К Испанцу подошёл на близкое расстояние. Не раз я его упреждал — не подходи...
— Конь Испанец? — переспросил Будённый.
— А ты, унтерцер, проводи занятия! — закричал Хестанов.— Почему беспорядок?
— Устав бить не дозволяет,— тихо сказал Будённый.
— Что мне устав? Я сам себе устав! А ты что? Бунтовать солдат?
— Солдат — человек,— твёрдо сказал Будённый.
— Да я тебя в пыль разотру! — заорал Хестанов и замахнулся на Семёна Михайловича.
Но Будённый перехватил его руку и сам тяжело ударил Хестанова по лицу.
Тот упал. Но тут же вскочил на четвереньки и заорал:
— Бунт! Бунт!
Он побежал, озираясь на молчавших драгун. И долго они ещё слышали истошный крик вахмистра:
— Убил! Убил! Бунт!
— Пропадёшь, Семён Михайлович,— сказал один из драгун.— За такое — полевой суд.
— А за что пропадёт? — воскликнул другой.— За то, что за нас вступался? Кузьменко в обиду не дал?
Драгуны зашумели. Они от всей души хотели спасти любимого унтера.
Бойкий Васильков шлёпнул по лбу ладонью:
— Братцы! Придумал!
Солдаты зашептались...
Вскоре Хестанов вернулся. Щека у вахмистра покраснела, вспухла и была повязана носовым платком, голубым с белыми крапинками.
— Взвод! Смирно! — заорал он, подбегая.
За вахмистром шёл взводный командир, ротмистр. Драгуны замерли. Замер Будённый.
— Драгуны! — выкрикнул ротмистр визгливо.— В моём взводе совершено страшное злодейство. Подчинённый поднял руку на своего начальника. Унтер-офицер Будённый, три шага вперёд!
Будённый вышел на три шага вперёд.

— Отвечай! Ну? — спросил взводный.

— Ничего не знаю, ваше благородие,— отчеканил Будённый.

— Запираешься? Хоменко, два шага вперёд! Ты что скажешь?

— Ничього не кажу, ваше благородие,— ответил Хоменко.

— Покрываешь?

— Кого? Не знаю, про що пытаете. Ничього не бачив, ваше благородие!

— Не бачил? Два шага назад! Васильков! Два шага вперёд! Расскажи ты! Ты видал!

— Никак нет, ничего не видал, ваше благородие! — отрапортовал Васильков.

— Так кто же, по-твоему, вахмистра побил? Святой дух? Я тебя, Васильков, спрашиваю: святой дух?

— Дозвольте доложить: помрачение нашло на господина вахмистра. Як навесили торбы на лошадей, господин вахмистр проходили по коновязи. Не остерегшись коня Испанца, получили копытом по морде!

— Смеёшься?!

— Как перед попом на исповеди!

— Два шага назад! Ать-два! Ткаченко! Два шага вперёд! Кто ударил вахмистра? Отвечай!

— Конь Испанец копытом по морде, ваше благородие!

— Щербаков!

— Конь Испанец, вашбродь!

— Архипов!

— Так что я скажу, конь Испанец!

— Корешков!

— Испанец, вашбродь!

— Прокопенко! Н-ну?

— Так что конь Испанец копытом по морде! — уже совсем весело отрапортовал Прокопенко.

— Кузьменко! Два шага вперёд!

На два шага вперёд вышел Кузьменко. Ротмистр уставился на драгуна, побитого вахмистром. Спросил:

— А тебя кто размалевал?

— Конь Испанец заодно с господином вахмистром,— доложил Кузьменко.

— Какой же тебя конь Испанец, чего брешешь, чёрт? — не выдержал Хестанов.

— Сами меня в том уверили, господин вахмистр,— тихо, но значительно ответил Кузьменко.

— Бунтовщики, ваше благородие! — взвыл Хестанов.

— Дурак! Явишься ко мне в канцелярию! — приказал ротмистр и ушёл.

В обед конь Испанец получил тридцать две порции сахара, ровно столько, сколько драгун служило во взводе.

Сахар конь Испанец очень любил.

СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ

Белые отступали, уводя за собой восемь конников. Захватили их в пылу боя, окружив со всех сторон.

У пленников отобрали коней, полушубки, брюки и сапоги.

Ночь была холодная и сырая. Падал густой, мокрый снег. Бойцы окоченели от холода.

— Хлопцы,— тихо сказал бойцам командир эскадрона товарищ Бобриков.— Нам всё одно помирать. Допрашивать будут — молчите, о чём бы ни спросили.

— Не разговаривать! — И один из белогвардейцев толкнул Бобрикова в спину прикладом.

Они уже подходили к станице, занятой врагами.

Во дворе ржали кони, лаяли встревоженные собаки. Во многих домах горел свет.

Конвоиры ввели пленных в избу. В углу под иконами сидел краснолицый полковник с большим животом.

Полковник был зол. Тринадцать тысяч отборных белых кавалеристов не смогли одолеть в бою трёх тысяч будёновцев.

«Разросся, что ли, корпус Будённого? — думал полковник.— А ну-ка, расспрошу пленных».

— Вот что,— сказал он захваченным в плен будёновцам.— Я вас расстреливать не стану. Быть может, даже отпущу по домам. Вижу, устали вы воевать. И, наверное, скучаете без родных, без ребят.

Пленные молчали.

— Какие части участвовали в бою? Какие имеются в запасе? Расскажите — отпущу на все четыре стороны...

Восемь полураздетых бойцов стояли перед белогвардейским полковником.

— Благодарим вас, господин полковник,— сказал Бобриков.— Только мы не хотим идти по домам. И вовсе мы не устали. Дома нас подождут, а ребятишки подрастут, пока мы воюем. И не скажем мы вам, какие части участвовали в бою. А если интересуетесь насчёт запасных войск, то их у нас неисчислимая сила. Все рабочие возьмут винтовки, и все крестьяне винтовки возьмут. И не вернутся домой, пока вас не добьют.

У полковника ощетинились усы. Он встал:

— Кто командир? Назовите его — и я вас отпущу.

Все восемь бойцов были без обмундирования, в одном белье.

Они только переглянулись. Будёновцы твёрдо решили не выдавать своего командира.

Полковник подошёл к бойцу, который больше всех замёрз и стучал зубами. Полковник думал, что будёновец стучит зубами от страха.

— Говори сию минуту, кто командир, если хочешь жить...

Но ответил боец:

— Ставь меня к стенке, а я тебе ничего не скажу.

— Ты говори! — крикнул полковник другому.

Но будёновец только усмехнулся в ответ.

Тогда полковник приказал запереть пленных в нежилую избу и приставить к ним часового.

В пустой, холодной избе конники легли, тесно прижавшись друг к другу. За окном взад и вперёд ходил часовой.

— Товарищи,— прошептал Бобриков,— неужели мы так запросто и помрём?

Бойцы прислушались к словам своего командира.

— Не должны мы зря помереть,— продолжал он.— Будённый ввосьмером станицу Платовскую брал. Отряда тогда у него не было. Было только семь смелых товарищей. Не побоялись они ни орудий, ни пулемётов. Будённый всегда говорит: «Смелость города берёт».

— Чего же делать-то? Часовой сторожит,— сказал кто-то.

— Нет, не должны мы зря помирать,— поднялся плечистый, рослый будёновец.

Раньше он был кузнецом, а потом пошёл добровольцем в конницу.

— Попробую,— сказал он, подошёл к окну, прислушался, взялся за раму, натужился и вырвал её.

Все замерли: не услышал ли часовой?

Но за окном была тишина.

Кузнец полез в окно первым. Он увидел задремавшего часового.

— Не спи, дурак! — И кузнец, оглушив часового кулачищем, забрал у него винтовку.

Один за другим вылезли бойцы. В деревне всё спало. Только в избе, где полковник вчера допрашивал пленных, ещё горел свет. У крыльца были привязаны кони. Их никто не сторожил.

Бойцы хотели уже вскочить на коней, но командир эскадрона остановил их. Он подкрался к окну, заглянул в хату. На лавках спали четыре офицера. Их оружие, кителя, шаровары, сапоги, шинели валялись на полу. На столе стояли пустые бутылки.

— Пьяные,— сказал Бобриков.

Дверь в избу была заперта.

— А ну-ка, кузнец...— приказал он.

Кузнец приналёг плечом на дверь. Никто не проснулся...

Из станицы выехали на конях четыре офицера, окружившие полураздетых людей. Часовой у околицы отдал им честь.

Выехав в степь, всадники подхватили пеших товарищей, пришпорили коней и понеслись по заснеженной равнине.

ЛЮБИМЫЙ КОНЬ БУДЁННОГО

В атаку Будённый шёл всегда на своем любимом коне Казбеке.

Несколько раз Казбек выручал хозяина в бою. Однажды за Будённым гнался отряд белогвардейцев на отборных конях.

Белые нахлёстывали своих коней, но догнать Будённого они не могли. Вдруг Будённый увидел впереди большой ров, пересекавший путь. Объезжать этот ров — значило попасть в руки белым. Но быстроногий и сильный Казбек спас Будённого от неминуемой смерти. Конь разогнался и, словно птица, перелетел через широкий ров. Белогвардейцы прыгать через этот ров не решились. Они

слезли с коней и стали стрелять по всаднику, но напрасно. Казбек завернул в лес, и Будённый оказался в безопасности.

В другой раз, в бою, когда всё смешалось и Будённый врезался в самую гущу врагов, белогвардейский полковник выстрелил из револьвера в Семёна Михайловича, но промахнулся.

Пуля попала в любимого коня Будённого. Конь вздыбился, но Семён Михайлович успел выстрелить в полковника. Затем Казбек упал, а Будённый вскочил на другого коня и снова бросился в бой.

Белые были разбиты. Они бежали, и наши конники гнали их по жёлтой, выгоревшей степи.

После боя Будённый вдруг куда-то заторопился.

— Ты куда? — спросил его товарищ Ворошилов. Он заметил, что Семён Михайлович озабочен и мрачен.

— Казбека у меня убили. Хочу в последний раз на друга взглянуть,— ответил Семён Михайлович.

— Пойдем вместе,— сказал Ворошилов.

Ворошилов и Будённый шли полем.

Будённый подошёл к тому месту, где упал Казбек. Казбек прерывисто дышал. Будённый стоял молча, опечаленный. Тяжело ему было расставаться с конём.

К Будённому подошел командир.

— Пристрели его, чтоб не мучился,— сказал командир.

Будённый вынул из кобуры револьвер, нацелился.

Но вдруг конь как будто всё понял. Он поднял голову и взглянул на своего хозяина. Из глаз его покатились крупные слёзы.

Будённый отвёл руку с револьвером и отвернулся.

— Не могу,— сказал он Ворошилову.

Ворошилов молчал.

Он видел, как тяжело Будённому расставаться с Казбеком. Командир, который советовал пристрелить Казбека, вынул из кобуры свой револьвер.

— Погоди,— сказал Ворошилов командиру.— Надо позвать врача. Может быть, вылечим.

Командир поспешил за врачом. Врач пришёл тотчас же и осмотрел коня. Он отвёз Казбека в госпиталь.

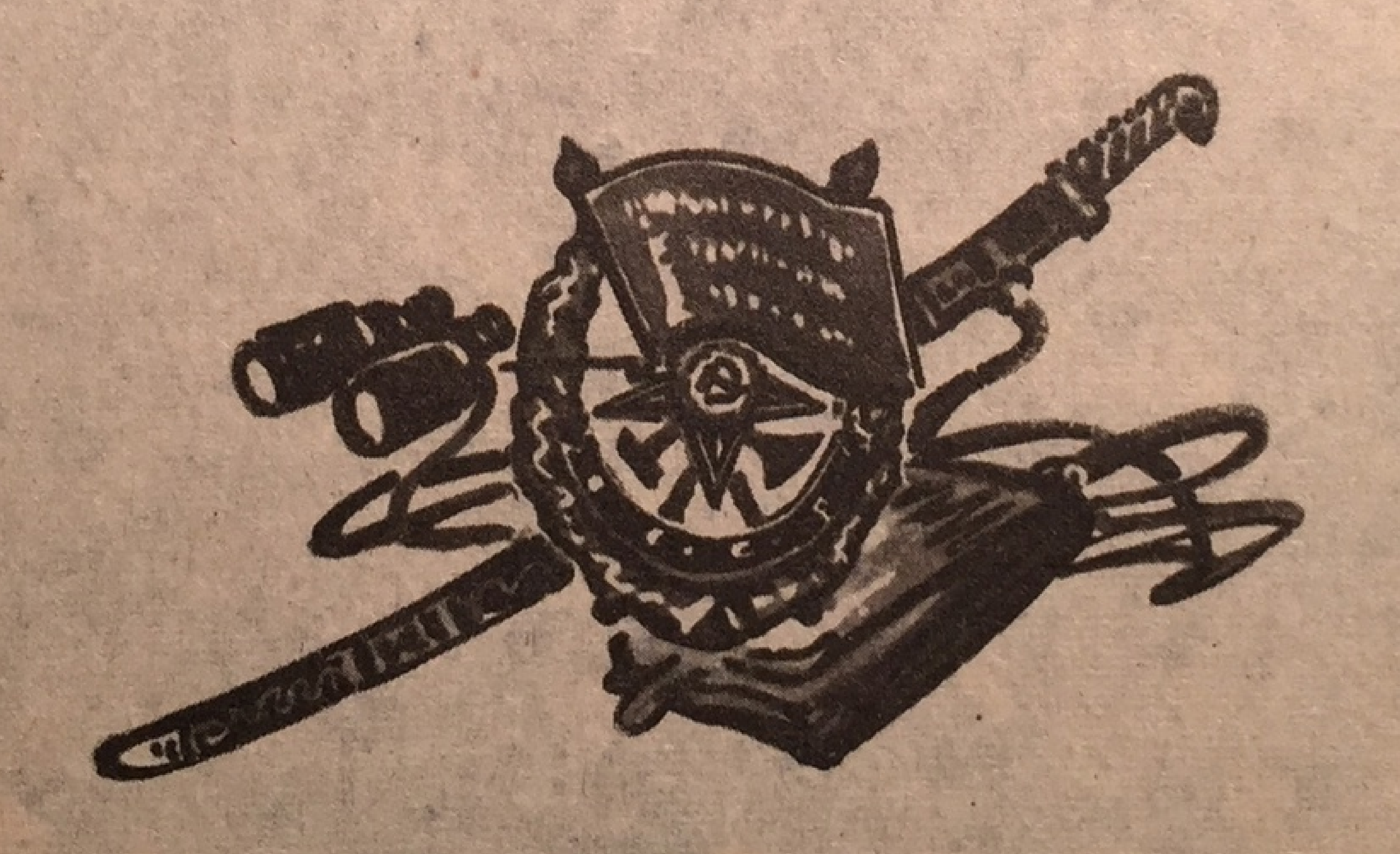
В госпитале конь поправился, и вскоре Будённый смог уже снова оседлать Казбека.

И ещё много раз ходил Будённый в атаку на своём любимом коне.

И ещё много раз выручал Казбек своего хозяина.

А. ВЛАДИМИРОВ

КАВАЛЕР ПЕРВОГО ОРДЕНА

ПАРТИЗАНСКАЯ СТОЛИЦА

Летом 1918 года окружённый горами старинный уральский городок Белорецк превратился в военный лагерь. Здесь собрались партизанские отряды со всего Южного Урала. Улицы и площади запрудили пехотинцы и кавалеристы, беженцы, обозы... У застав — пулемёты, на случай, если нагрянут белые. Они уже не раз пытались ворваться в город. А партизанам нужно время, чтобы подготовиться к дальнему походу на соединение с частями Красной Армии. Для этого предстояло не только отремонтировать оружие, госпитальные обозные повозки, но и объединить десятки мелких отрядов. Многим была непривычна строгая воинская дисциплина.

Вот и в отряде, расположившемся на городской окраине, там, где начиналась дорога в горы, нашлись сторонники старых порядков. «Кому хотим — тому и подчиняемся, на то мы и партизаны!» — кричали они.

Разгорелся спор. За шумом и выкриками никто не заметил, как к спорщикам подошёл молодой военный в солдатской фуражке и потёртой до белых плешин кожанке. Его серые глаза внимательно и строго смотрели на спорящих. Особенно распалился веснушчатый парень в казацких шароварах и залатанной гимнастёрке. Ничем его не смутишь — на всё готов ответ.

— Штаб издал приказ? Знаем мы этих писак — сидят да бумажки пишут!

— Белогвардейцы того и гляди нагрянут! Не впервой — встретим, как положено! Раньше воевали неплохо и теперь не подкачаем!

— Не знаю, как раньше,— вступил в разговор военный,— а теперь по старинке много не навоюешь.

Веснушчатый приготовился было дать отпор нежданному противнику, но остановился на полуслове, стараясь вспомнить, где видел этого человека. Так и не вспомнив, спросил:

— А ты кто такой будешь?

— Блюхер.

Парня как не бывало — исчез за спинами бойцов. А к молодому военному со всех сторон потянулись партизаны:

— Блюхер в отряде!

— Блюхер!

Он прибыл в Белорецк месяц назад. В ту пору его здесь почти никто не знал. А теперь, если уж не в лицо, то по фамилии каждому известен. Партизаны успели убедиться в его отваге и боевом опыте. И уж, конечно, все знали о том, что на последнем военном совете Василия Блюхера избрали Главнокомандующим партизанской армией. Как же не поговорить с главкомом, не расспросить о положении красных отрядов!

Блюхер отвечал спокойно, обстоятельно. Почему нельзя отсидеться в Белорецке? «Партизанская столица» в кольце врагов. В городе мало боеприпасов и продовольствия. Долго здесь не продержишься. Конечно, пробиться к своим через Уральские горы и башкирские степи нелегко. Зато путь пройдет через рабочие районы — помогут, поддержат. Ну, а как должны действовать партизанские отряды — ясно: чётко и слаженно.

Дисциплина — первая необходимость.

— Ну, а если кому-нибудь не по душе такие строгости? — ухмыляясь, спросил снова оказавшийся на виду веснушчатый парень. Его уже мало кто поддерживал. Но он сдаваться не хотел: — Вот я, к примеру, несогласный. Что тогда? Не всякого коня объездишь...

— Будто бы?..

— А ну, попробуй!

Веснушчатый юркнул в толпу и тотчас появился снова, ведя на поводу коня.

По ядовитой ухмылке парня Блюхер почувствовал: здесь что-то кроется. Но это не смутило его.

Через мгновение главком был в седле. Конь взмыл свечой, стараясь сбросить седока. Потом вихрем помчался по улице.

Всё произошло так быстро, что многие только теперь поняли: главкому подсунули коня, славившегося своим диким, необузданным нравом. Ещё ни одному, самому опытному наезднику в отряде не удавалось удержаться на нём.

Конь простучал копытами по мосту через речку, понёсся по дороге, ведущей в горы.

Не по душе пришлась партизанам затея веснушчатого парня. Даже те, кто недавно поддакивал ему, теперь хмуро молчали.

Вдали снова послышался цокот копыт.

Теперь уже никто не сомневался, что конь сбросил седока и, почувствовав свободу, скачет куда ему вздумается. Но вот

конь показался из-за деревьев. С него клочьями падала пена, ноздри раздувались, а Блюхер по-прежнему крепко сидел в седле.

Через минуту конь остановился. Главнокомандующий соскочил с седла, поправил висевший на боку маузер и, оглядев притихших партизан, заговорил так, словно ничто не прерывало беседу:

— Революционный порядок необходим. Иначе не пробиться к своим, не добыть победы!

ОБМАННЫЙ МАНЕВР

Блюхер сбросил кожанку, положил на лавку, под голову, и с наслаждением растянулся. «Хоть часок посплю! — решил он. Но сон не шёл: — Что делать? Как вырваться из вражеских тисков?»

Вражеские атаки начались уже на второй день пути. Чуть не каждый километр давался с боем. Но партизанская армия всё-таки перевалила через хребты Южного Урала, и вот она уже в долине трёх рек: Белой, Зилима, Сима. Белые решили запереть партизан в этом «мешке» и уничтожить. Сегодня утром противник пошёл в наступление. Бой не затихал весь день. Красные отряды выстояли.

Выстояли сегодня. А завтра? Натиск врага будет ещё яростнее. Беляки захотят во что бы то ни стало расквитаться за минувшие неудачи. А партизаны измотаны переходами. Плохо с патронами, с продовольствием...

Что же делать?

Блюхер поднялся, подошёл к столу, вывернул фитилёк керосиновой лампы, склонился над картой.

Три реки — три фронта. Ни одного разрыва в кольце врагов, ни щёлочки. Мало того — в наиболее удобные для прорыва места белые подтянули свежие силы. Но почему они собирают войска у сёл на противоположном берегу Сима? Ведь они должны понимать, что здесь отнюдь не лучшее место для прорыва. Почему же беляки подтянули сюда войска? Что их тревожит? Может быть, дело в расположении сёл? Они стоят у дороги, которая ведёт...

«Вот оно что! — обрадовался главком своей догадке.— Если так, надо убедить беляков, что их опасения не напрасны!» Усталости как не бывало. Через несколько минут в отряды поскакали связные — главком срочно созывал командиров.

Всю ночь партизаны переправлялись через реку. А на рассвете бойцы двинулись к видневшимся вдали окопам белых. При-

каз: не стрелять, беречь патроны! Не стреляли и белые, очевидно, решив подпустить партизан поближе. Как всегда, когда Блюхер хотел показать, что здесь самый важный участок боя, он шёл в первой шеренге наступающих.

Партизанские цепи ринулись на врага. Короткая, но яростная схватка — и белые выбиты из окопов. Бой закипел на околицах прибрежных сёл.

Белогвардейцы срочно начали перебрасывать сюда свежие силы с других участков.

Тогда Блюхер бросил в бой партизанскую конницу. И случилось то, чего больше всего опасались белогвардейцы,— красные стремительно продвигались к Уфе. А там штаб белогвардейских войск.

Все новые и новые силы белых прибывали к дороге на Уфу. Правда, для этого белым пришлось разомкнуть кольцо вокруг партизанской армии. Тут уж было не до окружения. Надо во что бы то ни стало остановить партизанскую конницу!

И вдруг партизанская кавалерия повернула обратно.

«Что случилось? — растерялись белогвардейцы.— Что ещё задумали красные?»

А кавалеристы выполняли приказ главкома: «В боях не увязать, создать впечатление удара на Уфу — и назад!»

Пока белогвардейцы «защищали» Уфу, Блюхер вывел десятитысячную армию из окружения.

КУМАЧОВАЯ РАЗВЕДКА

Блюхер прислушался: из сеней доносились приглушённые голоса. Кто-то хотел пройти к главкому, а ординарец не пускал. «Меня Василий Константинович просил!» — «Ну, подожди малость,— не сдавался ординарец,— может человек выспаться разок или нет?»

— Нечего там шептаться! — крикнул Блюхер.— Я уже давно поднялся! — И, увидев входившего командира сотни, улыбнулся: — Сейчас на свежую голову всё и обсудим.

И по тому, как держал себя командир сотни, как значительно и серьёзно говорил главком, ясно было, что речь идёт о каком-то совсем особом задании. Хоть за три месяца похода бывало всякое.

После боёв в трехречье партизанская армия не раз встречалась с белогвардейцами. Особенно свежа в памяти последняя встреча у реки Уфы.

Два дня кипел бой. Два дня не умолкал гул орудий над быстрой Уфой. Партизаны не только отбили все атаки противника — под огнём врага построили переправу. Без неё не перебросить через реку артиллерию, обозы, госпиталь. Как ни наседали враги, как ни старались задержать красных, партизанская армия переправилась через Уфу.

И вот 11 сентября штаб главкома прибыл сюда, в село Аскино. Судя по всему, регулярные части Красной Армии находились где-то неподалёку. Но где именно? За пятьдесят километров или за двадцать? Знает ли командование о приближении партизанских отрядов? Переходить линию фронта рискованно: свои могли встретить огнём. Сначала надо наладить связь. Главком решил использовать для этого конную сотню. Поэтому и вызвал командира: надо обсудить задание.

Конечно, за время похода не раз снаряжали разведку. Но она действовала скрытно, стараясь не выдать свою принадлежность к партизанской армии. А тут нужно сделать так, чтобы сразу было ясно — красные!

Но придать бойцам армейский вид не так-то просто. Уж очень обносились партизаны. Лаптей и то не хватало. Поэтому главком предложил командиру сотни не спешить. Лучше потратить лишний день, но хорошо подготовиться.

А командир уже на следующее утро доложил:

— Всё готово!

Блюхер вышел из штабной избы — глазам не поверил.

Все кавалеристы побриты, принаряжены: бойцы за ночь побывали во всех отрядах, у кого сапоги поцелее, у кого фуражку одолжили. У каждого на груди алые банты. На пиках кумачовые ленты. У правофлангового знамя полощется на ветру.

Главком обошёл строй, повторил наказ: соблюдать предельную осторожность!..

Ночью в штаб вошёл командир «кумачовой» разведки:

— Товарищ главком! Задание выполнили! Связь с Красной Армией установлена!

21 сентября в Кунгуре объявили днём чествования «цвета Красной Армии — блюхеровских отрядов». На улицах города алели лозунги и плакаты, звучала музыка. Со всех концов страны в адрес партизан поступали приветственные телеграммы. Их поход называли беспримерным: около полутора тысяч километров прошли они с боями, из неравных, жестоких сражений вышли победителями. Да и Красной Армии помогли: отвлекли на себя крупные силы белых.

За выдающееся полководческое искусство и героизм Василий Константинович Блюхер был награждён орденом Красного Знамени № 1.

ЛОВУШКА

В ноябре 1918 года над Советской Республикой нависла грозная опасность. С востока страны двинулась многотысячная, прекрасно вооружённая армия адмирала Колчака, который объявил себя «Верховным правителем России». Под натиском колчаковских войск откатывались плохо вооружённые, слабо обученные красноармейские части. Надо было срочно создавать новые воинские соединения из рабочих Урала и Сибири. В эту тревожную пору и родилась 51-я стрелковая дивизия. Блюхер её формировал, Блюхер и стал её начальником.

Дивизия с первых шагов оправдала надежды: громила отборные части белогвардейцев. Недаром Колчак обещал выдать 30 тысяч рублей тому, кто доставит Блюхера живым или мёртвым. А к белым попадали лишь донесения о новых победах 51-й дивизии. Как ни старались колчаковцы расправиться с блюхеровскими полками, всё было напрасно.

Но на этот раз белогвардейцы не сомневались в успехе: красные обречены! Сам Колчак прибыл в Тобольск, чтобы присутствовать

при том, как неуловимый «советский генерал» будет, наконец, разбит и схвачен.

Блюхеровцам действительно приходилось трудно. Белогвардейцы зашли в тыл красным, взяли в кольцо. Казалось, выхода нет.

Но Блюхер принял до дерзости смелое решение. Он повёл бойцов на прорыв не кратчайшим путём, где их поджидали белые, а в самое «пекло», на Тобольск.

Белогвардейцы так растерялись, что на первых порах не оказали почти никакого сопротивления. Блюхеровцы захватили несколько деревень, подошли к Иртышу.

Тут колчаковцы спохватились — бросили в бой новые полки. Силы были слишком неравны — блюхеровцы шаг за шагом отступали. И, наконец, оказались запертыми на крохотном клочке земли не больше трёх квадратных километров.

Над позициями висела томительная тишина. Враг, вероятно, подтягивал новые части.

Блюхер обходил «островок» своей земли. В центре — колесо к колесу — стояли подводы. На нескольких из них метались в жару и тяжело стонали раненые. Остальные, все, кто мог держать винтовку, ушли в окопы.

Бойцы деловито готовились к бою. Может быть, последнему в их жизни. Девятый день в окружении. Бессонные ночи, бои, переходы. Ни выспаться толком, ни поесть. Запасы продовольствия иссякли. Паёк скуден — по две картофелины на день.

«Пожалуй, со времени уральского похода такого не случалось,— думал Блюхер.— Что же предпринять?.. Как вырваться отсюда?.. — мучительно искал он решения.— А что, если... Да, так и надо сделать!»

Блюхер вызвал к себе командира батальона Горшкова:

— Семён Дмитриевич, от Вас зависит — вырваться нам отсюда или нет.

— Как?

— Надо ударить белым в тыл!

И вот бойцы батальона двинулись по пояс в воде через болото в обход врага. Последним шёл командир батальона Горшков. На мгновение он остановился, словно хотел что-то сказать Блюхеру. Но ничего не сказал. Да и что говорить? Всё, что возможно,— учли. Ясно и то, что путь отряду предстоит нелёгкий, и то, что от успеха отряда зависит судьба тех, кто уходит, и тех, кто остаётся...

Голоса бойцов, шорох листвы, стоны раненых утонули в грохоте разрывов. Колчаковцы снова пошли в наступление...

Несколько снарядов разорвались в центре «островка», разметали повозки. Замолчал пулемёт на левом фланге обороны. С правого — прибежал связной: кончились патроны.

Редели ряды красных бойцов. А отряд, посланный в обход, не давал о себе знать. Видно, не удалось пробиться...

Вдруг на какую-то долю секунды — так бывает даже в самом горячем бою — стихла стрельба. Мгновенья тишины оказалось достаточным, чтобы бойцы услышали за лесом отдалённое «ура!»

— Наши! — словно вздох облегчения пролетел над позициями красных.

Теперь всё решала внезапность. Блюхер выхватил маузер:

— Вперёд! В атаку!

Забыв про усталость, бойцы ринулись на врага.

Колчаковцы отступили. Они решили, что на помощь красным подоспели свежие силы, и теперь уже не блюхеровцам, а им надо выходить из окружения...

Блюхер спутал все планы белых — красноармейцы вырвались из подстроенной ловушки.

В середине октября войска Красной Армии перешли в наступление. С ними наступала и пополненная 51-я дивизия. Колчаковцев она гнала до самого Омска. Остатки разгромленной армии «Верховного правителя» ушли в Забайкалье и там были добиты.

КАХОВКА, КАХОВКА...

Летом 1920 года из теснин крымских перешейков хлынула на Украину армия барона Врангеля. Она насчитывала несколько десятков тысяч штыков, много танков и артиллерии. В руках белогвардейцев оказались обширные хлебные районы. Врангель угрожал захватить Донбасс.

51-ю дивизию перебросили на юг, в Заднепровские степи.

Когда блюхеровцы подошли к Каховке, красные части отступали. Сибиряки пропустили их через свои боевые порядки и встретили врага дружными залпами. Били без промаха.

Ряды белых смешались. Уж очень неожиданно было появление железной стены обороны. Да и одежда бойцов вызвала удивление. Стрелки были одеты в красные рубашки, которые получили в подарок от рабочих Москвы за победу над Колчаком. Противник повторил атаку: под прикрытием бронемашин мчалась, сверкая клинками, белая конница. Теперь сибирякам не устоять...

— «Ежи»! — приказал начдив.— Стройся в «ежи»!

Так называлось построение, при котором группы бойцов образовали несокрушимую щетину штыков. Не раз «ежи» выручали блюхеровцев. Не подвели и теперь.

С наступлением темноты бой затих — белые отступили. А на рассвете снова пошли в атаку.

Три дня гремело сражение. Белые бросили против блюхеровцев отборные силы. Вслед за шквальным артиллерийским огнём на позиции красных обрушились бомбовые удары с воздуха. Но все усилия ни к чему не привели.

Стойкость блюхеровцев признали даже враги. В белогвардейской газете появилось сообщение о новой дивизии красных, о мужестве её бойцов, опыте командира. Правда, не обошлось и без лжи...

Вся жизнь Блюхера — как на ладони. Родился он под Ярославлем, в семье крестьянина-бедняка. Но деревни почти не помнил: с малолетства отдали «в люди». Сначала Вася работал у купца мальчиком на побегушках. Потом поступил на завод, стал слесарем. Когда началась первая мировая война, Василия призвали в армию. Он участвовал во многих сражениях и за храбрость получил звание унтер-офицера. В 1916 году после тяжёлого ранения его демобилизовали. Октябрьскую революцию Блюхер встретил как долгожданную радость. Встал на защиту революции. Всё просто и ясно.

Вот эта ясность и не устраивала беляков. Подумать только: войска какого-то «унтера» бьют их отборные полки! Белогвардейцы объявили, что во главе дивизии стоит немецкий генерал Блюхер. Видно, терпеть поражения от иностранного генерала им казалось не таким унизительным.

— Пусть тешат себя баснями! — смеялся Василий Константинович.

А фамилия у него от крепостного деда. Барин-самодур за строптивость характера называл его именем прусского фельдмаршала Блюхера.

Врангелевцы ещё не раз пытались сломить сопротивление блю-

херовцев. Но так ничего и не добились. Каховский плацдарм остался в руках красных.

Врангель понимал, что красные в любой момент могли нанести его войскам неожиданный удар и отрезать их от Крыма. Белые стали готовиться к новому штурму.

Наступило затишье. Целые дни Василий Константинович проводил на плацдарме. Он не сомневался, что на этот раз Врангель бросит в бой все силы, и в первую очередь — танки, бронемашины.

Необходимо им противостоять! Как?

И вот бойцы роют противотанковые рвы, готовят огнемёты для боя с танками, устанавливают мины. План укрепления плацдарма Блюхер разработал вместе с начальником инженерных войск

Д. М. Карбышевым (впоследствии — генерал-лейтенант, выдающийся советский военный учёный).

«Что же ещё можно применить против танков?» И Блюхер решает: кочующие орудия — должны бить по танкам прямой наводкой, в упор. Это было новшество в военном деле.

Для укрепления обороны перед окопами воздвигли три линии проволочных заграждений.

13 октября над позициями красных появились вражеские самолёты. Они разбросали тысячи листовок. Всё вокруг стало бело, будто снег прошёл. В листовках красноармейцам предлагалось, пока не поздно, сложить оружие. Врангелевцы хотели припугнуть защитников плацдарма. А они посмеивались:

— Спасибо барону, предупредил о наступлении!

На рассвете следующего дня окрестности Каховки огласил страшный рёв — двенадцать стальных громадин, изрыгая огонь и дым, двигались на окопы красных. Это были танки! За танками — бронемашины. За ними — пехота. А вдалеке виднелась конница.

Блюхер приказал пропустить танки через первую линию укреплений, а пехоту противника отсечь шквальным огнём.

Под огнём пулемётов, огнемётов, ружейных залпов пехота отступила. На подмогу ринулись казаки. Снова застучали пулемёты, забили смертоносные фонтаны огнемётов.

Вот головной танк подполз к укрытию. А из укрытия в танк полетели гранаты. Он закружил на месте и задымил. За ним ярким факелом вспыхнул другой танк. Это по нему ударили огнемётчики. Но остальные танки продолжали двигаться, ведя из пушек и пулемётов огонь по укреплениям красных. И тут вступил в бой артиллерийский дивизион под командованием Л. А. Говорова, впоследствии Маршала Советского Союза. Артиллеристы выкатывали навстречу танкам орудия и били по ним прямой наводкой.

Уже подбито семь танков. Выведено из строя пять бронемашин.

Снова и снова атакуют вражеская пехота и кавалерия. Не умолкает вражеская артиллерия. Врангель бросает в бой ещё четыре танка и семь бронемашин — последний резерв. С воздуха на позиции красных обрушиваются бомбы.

Но блюхеровцы стойко отражали все атаки врага.

Перевалило за полдень, а вражеские атаки не ослабевают.

— Как идёт сражение? — запрашивает Главнокомандующий фронтом Фрунзе.

— Ожесточённо, Михаил Васильевич, — только и отвечает Блюхер.

— Держитесь, Василий Константинович! Скоро прибудет подкрепление.

Сутки не отходил Фрунзе от аппарата. Наконец, радостное сообщение Блюхера:

— Товарищ Главнокомандующий Южным фронтом, все атаки врага отбиты, переходим в контрнаступление...

За мужество и отвагу, проявленные при обороне Каховки, многие командиры и бойцы были отмечены наградами. Василий Константинович Блюхер был награждён орденом Красного Знамени.

ТУРЕЦКИЙ ВАЛ

Блюхер стоял на небольшой высотке и следил, как уходили, растворяясь в предрассветном тумане, полки и роты ударной группы.

Пронизывающий ветер гулял над степью, гнал тяжёлые облака в сторону узкого Перекопского перешейка, соединяющего Крымский полуостров с «Большой землёй».

Врангель превратил перешеек в неприступную крепость. Ещё крымский хан, некогда владевший полуостровом, воздвиг на перешейке гигантский вал длиной одиннадцать километров, высотой восемь метров, названный Турецким.

Перед валом врангелевцы заново вырыли ров десятиметровой глубины. Ширина рва достигала двадцати метров. На валу установили десятки тяжёлых орудий, сотни пулемётов в бетонированных гнёздах, бомбомётов. Перед траншеями поставили две линии проволочных заграждений в пять рядов, третья линия была скрыта во рву. Все подступы к валу простреливались орудийным пулемётным огнём.

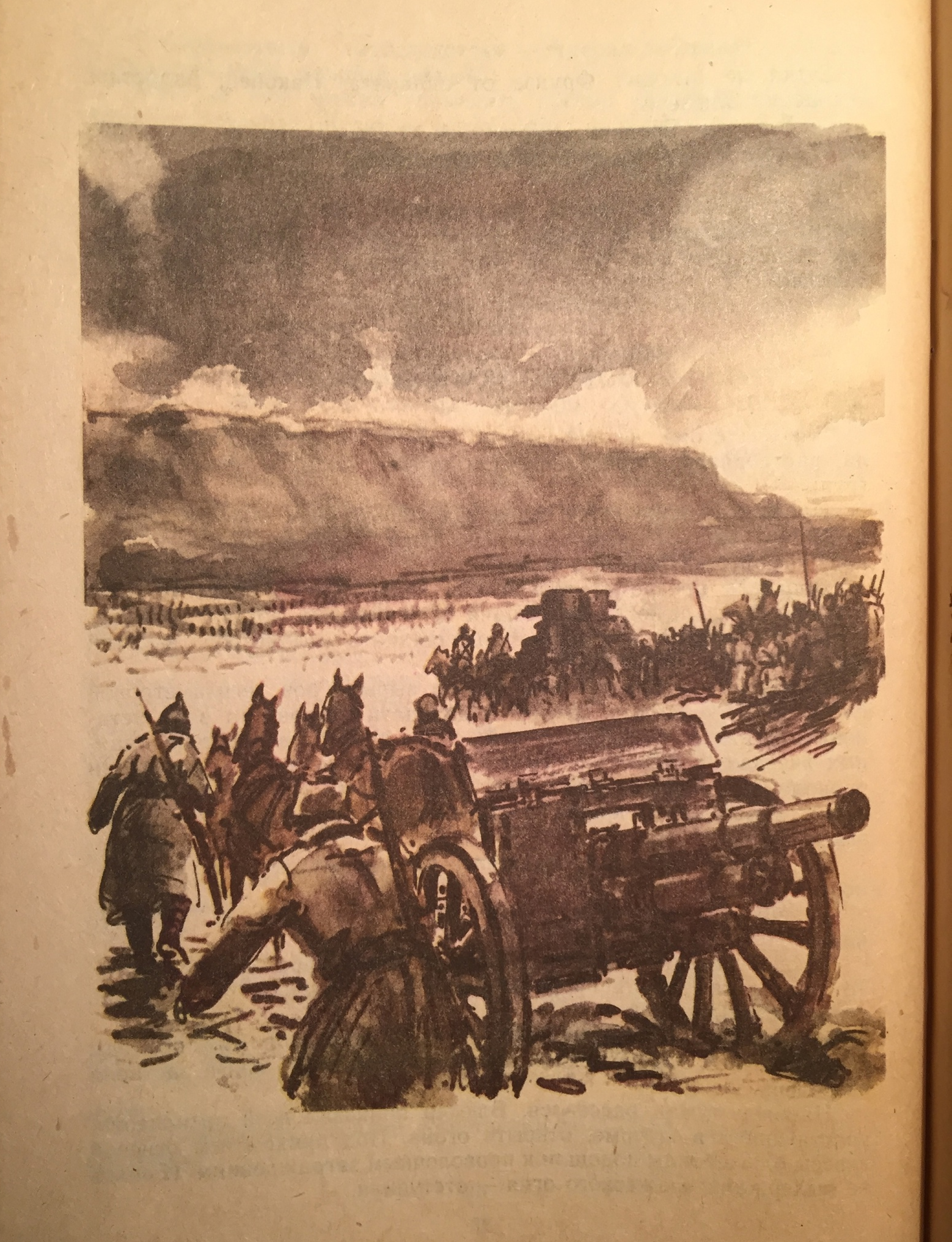
За таким заслоном Врангель чувствовал себя в безопасности.

И вот ударная группа Блюхера шла на штурм Турецкого вала.

Предрассветную тишину разорвал грохот вражеских орудий. То тут, то там туман прорезали огненные вспышки, поднимались фонтаны земли.

Вся надежда на подрывников — они должны проложить проходы в проволочных заграждениях. Но ураганный огонь врага заставил их залечь.

Наконец туман рассеялся. Блюхер приказал всей артиллерии, участвующей в штурме, открыть огонь. Под прикрытием огневой завесы блюхеровцы подошли к проволочным заграждениям. И опять не выдержали вражеского огня — отступили.

Тогда Блюхер бросил на помощь пехоте броневики. И красные бойцы в третий раз двинулись на укрепления врага. Одной роте удалось прорваться к Турецкому валу, но удержаться там она не смогла. И на этот раз атака не увенчалась успехом.

— Товарищ начдив, Главнокомандующий прибыл!

Когда Блюхер вошёл в штаб, Фрунзе поднялся ему навстречу. Поздоровались, Фрунзе выжидающе молчал.

И тут начдив сказал то, что стало убеждением:

— Михаил Васильевич, мне кажется, только лобовым ударом, просто штурмом Перекоп не взять.

— Я тоже так думаю,— согласился Фрунзе.

Главнокомандующий и начдив считали, что надо действовать похитрее, постараться найти уязвимое место во вражеской обороне. Но где оно? Меньше укреплений со стороны Сиваша. Врангелевцы считали, что десятикилометровое Гнилое море преодолеть невозможно. А как на самом деле?

— Давайте-ка посмотрим на месте, какие есть возможности,— предложил главком.— И поговорим по дороге...

Вернулся начдив не скоро. По измазанным грязью сапогам можно было понять: побывал на Сиваше. Но Блюхер не только обследовал берега Гнилого моря — вместе с Главнокомандующим Фрунзе и начальником инженерных войск Карбышевым разработал план операции.

И вот 7 ноября в десять часов вечера части блюхеровской ударной группы двинулись через Сиваш. Ледяной ветер гулял над заливом. А бойцы шли по пояс в воде, подняв над головой винтовки, согнувшись под тяжестью пулемётов. Солёная вода разъедала натруженные ноги, но бойцы шли...

Через три часа они были у высокого берега Литовского полуострова.

Белые не сразу сообразили, откуда появились красные. А когда опомнились — залив осветили прожектора, разрывы снарядов подняли в небо столбы воды и грязи. Но всё новые батальоны пересекали Сиваш, чтобы зацепиться за крошечный кусочек суши, ударить по врагу.

Одновременно красные возобновили удары по Турецкому валу. Но пока без успеха. А белые вот-вот получат подкрепление. Если не принять срочных мер, вся операция может кончиться неудачей.

Блюхер появлялся то на передовой, то на берегу Сиваша, то снова возвращался в штаб.

Связист не отходил от телефона — командиры бригад и полков то и дело сообщали о положении на их участках.

— Вас вызывает Командующий фронтом! — боец протянул Блюхеру трубку.

— Сиваш заливает водой, ветер переменился, гонит воду с моря,— сообщил Фрунзе.— Части на Литовском могут быть отрезаны. Вал надо взять во что бы то ни стало!

Блюхер отошел от аппарата.

— Части могут быть отрезаны,— медленно повторил начдив.— А связь? — он резко повернулся к бойцу: — Связь с Литовским есть?

— Есть,— ответил боец.

И оба, начдив и боец, почему-то посмотрели на аппарат. Они хорошо знали, что кроется за этим «есть».

Ещё недавно связь прервалась — подвёл старый провод, проложенный по дну Сиваша, солёная вода разъела изоляцию. Нужно было подвесить провод, но как, если нет ни жердей, ни шестов? И тогда связисты стали живой цепью через залив, держа в руках провод. Они стояли в ледяной воде под жгучим ветром, но ни один человек не дрогнул.

«Сиваш заливает...— думал Блюхер.— Вал надо взять, надо взять... Но как?.. Разведка доносит, что со стороны Перекопского залива меньше укреплений...»

Блюхер резко взял трубку и приказал части, штурмующей вал:

— Обойти вал по рву, к Перекопскому заливу. Такого «сюрприза» беляки не ждут!

И вот штурмующей бригаде удалось спуститься в ров. Бойцы двинулись по дну рва к Перекопскому заливу: по воде обошли проволочные заграждения и вышли в ста метрах позади Турецкого вала.

— Ура! — бойцы бросились в атаку.

Дерзкий манёвр начдива оправдал себя: атака красных со стороны Перекопского залива застала врага врасплох. С тыла атака была поддержана частями, штурмующими с фронта. Вал был взят.

Под утро 9 ноября бойцы, наступавшие со стороны вала и с Литовского полуострова, встретились. Теперь они сообща громили белогвардейцев...

Блюхер вошел в штаб, лицо его было чёрным от пыли, гари, бессонных ночей. Но глаза блестели такой радостью, что боец-связист, ни о чём не спрашивая, сел к аппарату.

— Перед дивизией была поставлена задача пробить дорогу в Крым,— диктовал Блюхер,— дивизия задачу выполнила...

За героизм, проявленный при штурме вражеских укреплений, 51-я дивизия получила наименование Перекопской. А её командир был награждён ещё одним орденом Красного Знамени.

ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ

Утихал гром сражений гражданской войны. Разбит наголову адмирал Колчак, сброшен в море барон Врангель. Только на Дальнем Востоке продолжали хозяйничать белогвардейцы. Их поддерживали японские интервенты. Весной 1921 года, после контрреволюционного переворота во Владивостоке, армия генерала Молчанова стала готовиться к «походу на Кремль».

В эту тревожную пору Василия Константиновича Блюхера направили на Дальний Восток. Его назначили Главнокомандующим Народно-революционной армией.

Осенью войска генерала Молчанова двинулись в наступление. Им удалось захватить Хабаровск. Молчановцы уже мечтали о захвате Читы. Но в канун Нового года войска Блюхера остановили врага. На станции Ин молчановцам был нанесён первый сокрушительный удар.

Многие считали, что надо продолжать наступление. Но главком был против этого. Скоропалительность не могла принести успеха. В руках белых оставалась обширная территория, враг располагал еще немалыми силами. Надо было выиграть время, подготовиться к решительному наступлению и разгрому врага.

Враг укрепился у станции Волочаевка. Здесь молчановцы сосредоточили все лучшие силы. Свои позиции они обнесли колючей проволокой в восемь рядов. За ними воздвигли высокую ледяную

стену — полили водой мешки с землёй. Тяжёлые орудия, сотни пулемётов простреливали все подходы к позициям.

И вот войска Блюхера подошли к Волочаевке и приготовились к штурму.

Накануне штурма Василий Константинович Блюхер послал письмо Молчанову: «...Я — солдат революции и хочу говорить с Вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек. На этих сопках и без того много могил. В случае продолжения борьбы одна из них будет Вашей. Я именем русского революционного народа в последний раз гарантирую Вашим солдатам, офицерам и Вам сохранение жизни в случае, если Вы добровольно прекратите сопротивление и сложите оружие... Своих слов я на ветер не кидаю, так же как и не на ветер будут выпущены пули нашей Народно-революционной армии, если борьба будет продолжаться».

Белогвардейцы не ответили на обращение Блюхера.

В ночь на 10 февраля части народноармейцев стали развёртываться для штурма. В предутренней мгле Блюхер дал сигнал к наступлению.

Цепи народноармейцев двинулись по открытой всем ветрам, заснеженной равнине. Укрыться негде. Только редкие берёзки качаются на ветру. Холод цепенил, пронизывал до костей. Но бойцы шли вперёд.

Заговорили вражеские пулемёты, и ударили из орудий бронепоезда.

Бойцы шли навстречу огню, сжимая в стынущих руках винтовки. Бойцы рвали колючую проволоку штыками, прикладами рушили колья под перекрёстным огнём врага.

Атакующие надеялись на поддержку артиллерии. Казалось, заговори она — пробились бы сквозь огненный заслон. Но пушки молчали. Орудия завязли в снегу. Сугробы — лошадям по грудь. Поэтому и не выбрались на позиции. Единственный танк на подходе к заграждениям был подбит.

И всё-таки первый ряд колючей проволоки народноармейцы преодолели. Однако огонь противника не давал продвинуться дальше. Бойцы сооружали снежные окопы, зарывались в снег. Едва стихал вражеский огонь — поднимались в атаку. И снова отступали к снежным укрытиям, оставляя у линии заграждений убитых и раненых.

Бой не утихал до позднего вечера. И всё это время главком не покидал позиций. По колено в снегу обходил он ряды бойцов, чтобы поддержать, успокоить, вселить уверенность.

С наступлением темноты Блюхер приказал отвести передовые части на несколько сот метров от проволочных заграждений. Надо было дать бойцам отдохнуть.

К ночи мороз усилился. Тем, у кого не было тёплой обуви, выдали мешки с сеном — согревать ноги. Привезли хлеб и мороженую рыбу...

На следующее утро заснеженная равнина была тиха и безлюдна. Только ветер свистел, раскачивая берёзки.

Молчановцы терялись в догадках. Они ожидали атаки народноармейцев. И вдруг — ни одного выстрела. Что задумали красные?

А красные готовились к новому штурму. Подтянули артиллерию, отремонтировали железнодорожные мосты, взорванные белогвардейцами, и к позициям народноармейцев подошли два бронепоезда.

Бойцы повеселели:

— Теперь белым крышка!

К ночи Блюхер перегруппировал войска, перенёс главный удар с северного участка на южный. Горький опыт первого дня наступления показал, что там меньше вражеских пушек и пулемётов.

12 февраля, на рассвете, три выстрела бронепоезда возвестили начало штурма.

Первой открыла огонь артиллерия. В течение часа били пушки по вражеской твердыне. Затем цепи народноармейцев пошли в атаку.

Противник встретил наступающих ураганным огнём. Падали убитые и раненые. Но атаки продолжались. Волна за волной шли бойцы на вражеские укрепления. Их поддержал своим огнём второй бронепоезд. Народноармейцы прорвались к окопам противника и ударили в штыки. Тогда белогвардейцы тоже подтянули бронепоезда, и их огонь заставил бойцов залечь. Казалось, наступление захлебнётся.

Так бы и случилось, если бы Блюхер не послал группу войск в тыл противника:

— Удар должен быть скорым и решительным.

И вот вдали, на линии железной дороги, Блюхер увидел взметнувшийся к небу столб дыма.

— Вовремя подоспели! — с облегчением вздохнул главком. Это бойцы обходной группы подожгли деревянный мост неподалёку от Волочаевки. Теперь командам белогвардейских бронепоездов было уже не до обстрела красных. Лишь бы не оказаться запертыми, не попасть в западню!

Народноармейцы с новой силой ринулись на вражеские укрепления. Молчановцы обратились в паническое бегство. Белогвардейская твердыня, которую молчановцы хвастливо называли «Дальневосточным Перекопом», была взята.

По всей Советской стране и далеко за её пределами разлетелась молва о «Волочаевских днях». Стоит произнести эти два слова — и перед глазами встанут цепи красных бойцов и их главком, трое суток не покидавший заснеженных позиций.

За разгром белогвардейцев на Дальнем Востоке Василий Константинович Блюхер был награждён четвёртым орденом Красного Знамени.

Ещё много славных дел совершил Василий Константинович Блюхер и после гражданской войны. Героические дела его всегда будут в памяти народа.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Всеволожский

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЁНОВЦЕВ

А. Владимиров

КАВАЛЕР ПЕРВОГО ОРДЕНА

Игорь Евгеньевич Всеволожский. ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЁНОВЦЕВ

Алексей Владимиров. КАВАЛЕР ПЕРВОГО ОРДЕНА

«ИМЕНА ИЗ ЛЕГЕНДЫ»

Для младшего школьного возраста

Тексты печатаются по изданиям:
И. Всеволожский. Восемь смелых будёновцев. М., «Детская литература», 1974
А. Владимиров. Кавалер первого ордена. М., «Малыш», 1978

Редактор *Э. Г. Ристатурина*. Художественный редактор *Л. Н. Дегтярев*. Технический редактор *С. М. Паль*. Корректор *Л. Т. Дмитриева*.

ИБ № 1082

Сдано в набор 05.08.82. Подписано в печать 05.01.83. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,79. Усл. кр.-отт. 3,26. Уч.-изд. л. 2,89. Тираж 300 000 (2-й завод 150 001—300 000) экз. Зак. 2533. Изд. № 118. Цена 20 коп.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного Комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4

20 коп.